

Самойлов Дмитрий Вячеславович

ОТНОШЕНИЕ П. И. НОВГОРОДЦЕВА К ЭТИКЕ И. КАНТА

Статья раскрывает специфику восприятия нравственного учения И. Канта в сочинениях П. И. Новгородцева. Установлено, что принимает русский философ в этике Канта, а что критикует. При этом проясняются этические воззрения самого Новгородцева. Выявлено, что русский философ отмечает положительные аспекты кантовской этики. Но он указывает и на необходимость преодоления ее формализма. Новгородцев настаивает на обязательности воплощения нравственного идеала в социальной жизни. Но он не считает возможным достижение полноты нравственности в земной жизни, что сближает его с Кантом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/2/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(76) С. 170-174. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

28. **Сергеева О. В.** Поселения и постройки эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (пространственный, социологический и палеодемографический аспекты): автореф. дисс. ... к.и.н. СПб., 2007. 19 с.
29. **Смирнов К. Ф.** Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. М.: Наука, 1964. 381 с.
30. **Чалов Р. С., Завадский А. С., Панин А. В.** Речные излучины / науч. ред. Р. С. Чалов. М.: Изд-во МГУ, 2004. 371 с.
31. **Черных Е. Н.** Евразийский «степной пояс»: у истоков формирования // Природа. 2008. № 3. С. 34-43.
32. **Черных Е. Н.** Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира: в 2-х т. М.: Языки славянской культуры, 2013. Т. 1. 368 с.
33. **Элиаде М.** Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
34. **Юнг К. Г.** Воспоминания, сновидения, размышления. Львов: Инициатива; М.: АСТ, 1998. 475 с.

RIVER LANDSCAPE AND MONUMENT TOPOGRAPHY IN ARCHEOLOGICAL CULTURES OF THE VOLGA AND SOUTH URAL REGIONS IN THE LATE ENEOLITHIC PERIOD AND THE BRONZE AGE

Ramazanov Sergei Pavlovich, Doctor in History, Professor
Nikolaev Nikolai Yur'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Volzhsky Polytechnic Institute (Branch) of Volgograd State University
sp-ram@yandex.ru; nikcam@mail.ru

Yurchenko Stepan Anatol'evich
Volzhsky
tehrtd@gmail.com

The article analyzes the role of the river landscape for archeological cultures of the Volga and South Ural regions in the late Eneolithic period and the Bronze Age. The paper identifies economic, sacral-ritual and cultural-semantic interrelation between the river space and the archeological monument topography. To emphasize importance of rivers in timber-grave and Andronovo cultures the authors introduce conceptions "river cultures" and "hydro-morphology". Moreover, the study mentions influence of the river channel type (the river's meander level) on the settlement layout.

Key words and phrases: river; landscape; archeological culture; The Bronze Age; topography; steppe; forest-steppe; hydro-morphology; river cultures.

УДК 1(091)

Философские науки

Статья раскрывает специфику восприятия нравственного учения И. Канта в сочинениях П. И. Новгородцева. Установлено, что принимает русский философ в этике Канта, а что критикует. При этом проясняются этические воззрения самого Новгородцева. Выявлено, что русский философ отмечает положительные аспекты кантовской этики. Но он указывает и на необходимость преодоления ее формализма. Новгородцев настаивает на обязательности воплощения нравственного идеала в социальной жизни. Но он не считает возможным достижение полноты нравственности в земной жизни, что сближает его с Кантом.

Ключевые слова и фразы: П. И. Новгородцев; этика И. Канта; нравственность; нравственный закон; долг; разум; личность; свобода; общество.

Самойлов Дмитрий Вячеславович, к. филос. н.
Мелитопольский институт экологии и социальных технологий
Открытого международного университета развития человека «Украина»
dmvsam@rambler.ru

ОТНОШЕНИЕ П. И. НОВГОРОДЦЕВА К ЭТИКЕ И. КАНТА

Русский мыслитель Павел Иванович Новгородцев в своих философских рассуждениях сосредотачивал внимание на вопросах метафизических оснований нравственности и права, взаимосвязи моральных и правовых основ общества. В этическом учении Новгородцева центральное место занимает личность как источник и цель нравственной философии [1, с. 67]. В своих построениях Новгородцев обращался к моральному учению Канта, считая его важнейшей концепцией, во многом формирующей современную философию. Поэтому представляется важным выяснить, как именно воспринимал этот русский мыслитель кантовскую этику. Рассмотрение данного вопроса вносит вклад в разработку более общей тематики восприятия нравственной доктрины Канта в русской философии, а также в некотором смысле помогает понять взгляды Новгородцева на место морали в обществе.

Русский философ констатирует, что за критицизмом Канта утвердилось репутация дуалистической системы, в которой нет места гармоническому единству и целостности универсума. Однако Новгородцев как раз это и ставит Канту в заслугу, так как считает, что разлад, противоречие между двумя мирами – миром сущего и миром должного – действительно существует, и основатель критической философии вскрыл это противоречие, существующее в глубине человеческого духа. Констатация этого факта действительности гораздо важнее поспешного ухода от него и составления монистической картины мира, не имеющей ничего общего с действительностью. Гармония – это цель, которая хотя и необходима, но лежит в бесконечности, она не дана, а задана.

Новгородцев видит значение дуализма системы Канта в его нравственных положениях. Именно «сила нравственного подъема разрывает покров преходящих явлений, чтобы открыть за ним мир свободно-творческих начал» [2, с. 544]. Нравственная деятельность позволяет человеческому духу касаться мира идей и обнаруживать перед собой бесконечные перспективы. Как пишет русский философ, «в нашей душе мы находим способность к глубочайшим чувствованиям и стремлениям, бесконечно важным и дорогим для нашей жизни» [Там же, с. 547]. В нас живет идеал, «путеводная цель», и этот идеал – это чувство абсолютного. В то же время мир преходящих явлений показывает человеку, насколько он стеснен в своей нравственной свободе, насколько идеал далек от действительности, насколько требование справедливости на земле оказывается неудовлетворенным. Причем не только внешний мир стесняет человека, но и его собственные внутренние влечения и душевные порывы. Хотя человеческий дух в своей основе свободен, но его естественная природа противоречит разуму, препятствует установлению душевного равновесия. Так, по мнению Новгородцева, Кант показывает разлад между духом и природой, субъектом и объектом, «я» и «не я» [Там же, с. 545]. То есть критическая философия фиксирует противоречия, укорененные в человеческой природе.

По мнению Новгородцева, критический идеализм – это две части неразрывного целого: «Нравственный идеализм воздвигается на почве теоретического критицизма» [4, с. 5]. Это учение разрушает доверчивый реализм, уничтожает наивную веру, что познание соприкасается с оригиналом реальности. Критическое исследование человеческого разума показывает, что наука, знание – это одно из частных проявлений нашего разума, жизнь же духа – гораздо шире.

Если до Канта считалось, что истина означает согласие разума с внешним миром (отражение внешних предметов разумом такими, какие они есть), а нравственность рождается через познание внешнего мира; то немецкий философ показал, что мерило истины – в самом разуме, а нравственный закон находится в самом сознании и не зависит от внешних явлений. Долга нет в природе, его понимание находится внутри человека. В природе есть только то, что было, есть и будет, но в ней нет того, что должно быть. Долженствование – это продукт деятельности человеческого разума. Именно разум создает нравственный порядок, к которому стремится приблизить действительность [Там же, с. 9].

Новгородцев, однако, отмечает, что доказать дедукцией реальность морального закона невозможно, это есть нечто непосредственно данное, что аналогично утверждению Канта, по которому моральный закон есть факт разума. Русский философ приводит в пример такое состояние человеческой души, как раскаяние. Оно не может изменить прошлого, сделать совершившееся несовершившимся, но раскаяние правомерно, так как нравственность не делает различий во времени. При отступлении от морального закона внутри человека происходит тягостный разлад с самим собой. Если же во внешней действительности человек видит несоответствие моральным нормам, то это также тяготит его. Вот это и есть неискоренимый факт нашего разума.

Новгородцев задается вопросом: как объяснить независимость нравственного сознания? Он считает, что данный вопрос в конечном счете вскрывает противоречие между моралью и познанием. Субъект подчиняется естественной необходимости как явление, но в то же время сознает себя и как вещь в себе, определяя себя законами разума. Каждое действие, с одной стороны, необходимо, так как стоит в ряду временных причин и следствий; с другой стороны, свободно, так как отрешается от этого ряда и восходит к его умопостигаемой основе (к субъекту как к вещи в себе). Поэтому наука не может судить о нравственности с точки зрения познания, прошлого не изменить. Но нравственность может осуждать или оправдывать прошедшие события, так как такое суждение имеет самостоятельное значение.

Итак, Новгородцев интерпретировал учение Канта как философию, ограничивающую возможности познания, науки и возвеличивающую мораль, причем так, что свобода и необходимость при этом не устраняют друг друга, а примиряют нас с противоречием между ними. Хотя противоречие между природой и духом не устраняется, но моральное учение Канта уничтожает призрачную власть внешних факторов над человеком, обосновывает свободу. Немецкий философ не устранил противоречие и не снял, а открыл его. И утвердил права нравственного чувства, свидетельствующего о свободе воли, наравне с голосом научного познания, свидетельствующего о законе причинности. Кант сохранил значение науки, но он и утвердил основание для «самобытного значения религиозных, нравственных, эстетических переживаний как неотъемлемых и жизненных элементов нашего сознания» [2, с. 553].

В то же время, по мнению Новгородцева, Кант утверждает ту силу духа, которая не зависит от внешнего хода событий. Поэтому во время нравственного подъема человек не подчиняется временному, а соприкасается с вечным. Отсюда виден смысл всего происходящего, который заключается не во временном успехе, а в исполнении долга. «Временная неудача поражает только временное, а не вечное; а временный успех, будучи естественным и желательным концом наших начинаний, ничего не прибавляет к их нравственной основе, которая имеет безусловный, независимый от результатов характер» [Там же, с. 551]. То есть наша вера в добро, наше нравственное сознание ставится вне зависимости от внешнего хода событий, что обнаруживает «самобытную ценность и нетленную силу добра» [Там же]. А все наши действия, которые направлены далеко вперед и воодушевлены нравственным стремлением, получают могучую энергию для своего осуществления. Сама же конечная цель бесконечна, главное для морального сознания – неустанное вечное стремление к идеалу.

Оценив по достоинству положительные моменты этики Канта, Новгородцев коснулся и вопроса о ее формализме и индивидуализме. Русский философ пишет, что мораль Канта – это чистый идеал нравственности, который независим от ее осуществленности во внешнем мире, это «мораль в ее чистом и безусловном определении, в каком она никогда не осуществляется в действительности» [4, с. 21]. Чистая мораль имеет внутреннюю силу в любом случае, даже если она совсем не может воплотиться в действительности. Но Новгородцев

указывает, что все же нужно выяснить конкретные условия для осуществления нравственного идеала, ответить на вопрос, как установить гармонию между идеалом и действительностью. Кант, по мнению русского философа, на этот вопрос ответа не дал. Сам же Новгородцев видит в этом как преимущества, так и недостатки.

Русский философ считает, что формализм этики Канта оправдан, так как основатель критицизма искал общей формулы для нравственной воли. Нравственные законы хотя и меняются по содержанию, но сохраняют одну и ту же форму. Конкретные предписания при моральном поведении могут быть различными, однако они должны исполняться с сознанием того, что таким должно быть поведение каждого разумного существа [Там же, с. 23].

Как мыслитель, занимающийся рассмотрением вопросов философии права, Новгородцев пишет, что учение о государстве и праве должно быть приложением нравственной жизни к действительности. Кант, по мнению русского философа, не установил связи между правом и нравственностью, а в некоторых случаях совершенно устранил. Основатель критицизма понимает под правом чисто внешнее исполнение закона. Правовое поведение – это только легальное поведение. Моральное же поведение – это поведение, основанное на внутренних, а не на внешних побуждениях. Но Новгородцев считает, что как раз право – это область соприкосновения морального начала и жизни [8, с. 506].

Путь перехода от морали к праву, по мнению русского философа, должен быть проложен на основании того, что юридические законы могут исполняться не только в силу внешних соображений, но и на основании нравственных мотивов. «Переходя в юридическую область и получая здесь внешнюю санкцию, нравственные требования не перестают быть нравственными. Если право, как справедливо утверждает Кант, не может включать в свои требования внутренних мотивов, то оно, во всяком случае, и не исключает их. Напротив, оно предполагает со стороны общества сочувствие к своим предписаниям, без которого оно и не могло бы существовать» [Там же, с. 508].

Поэтому переход нравственных предписаний в область права, по мнению Новгородцева, вполне может быть найден и объяснен, как, впрочем, и защита юридических законов со стороны нравственности. «Обязанности благожелательства и любви не могут быть предметом юридических предписаний и всегда останутся чисто этическими и внутренними. Напротив, требования справедливости по своему характеру допускают принудительное осуществление и одинаково могут охраняться как нравственностью, так и правом» [Там же, с. 510].

В целом именно право, по мнению Новгородцева, преодолевает противоречие между личностью и обществом, но такое право, которое признает свободу и равенство лиц, являющиеся нравственными категориями [1, с. 67].

С точки зрения русского философа, прежняя философия права содержала в себе два важнейших противоположных недостатка: во-первых, недостатки в общении, происходящие от произвола лиц; во-вторых, отрицание самостоятельной ценности отдельных лиц из-за стоящего над ними общества как конечной инстанции. Новгородцев считает, что кантовская этика устраняет эти противоречия учением об автономии воли, которая совершает нравственные действия не по произволу или под давлением общества, а в общей разумно-нравственной основе. Таким образом, устраняются крайности индивидуализма и поглощения человека обществом [4, с. 26].

По мнению Новгородцева, благодаря Канту свобода понимается как внутреннее самоопределение личности, независимо от случайных колебаний. До Канта существовало понятие естественной свободы, которая подчиняется случайным побуждениям. Поэтому учение о свободе Канта ограждает от произвола и общественного абсолютизма. Однако развитие этой идеи Кант, по мнению Новгородцева, не закончил. Для полного ее развития нужна связь лиц, нужен ответ на вопрос: что такое нравственный закон для общения личностей. Это главный недостаток кантовской этики.

В целом недостатки морального учения Канта Новгородцев видит в том, что немецкий философ общую форму морального закона превращает в единственно возможный мотив для нравственности. То есть Кант считает, что все нравственные поступки должны иметь мотивом чувство долга, но не любовь или склонность к последствиям поступков. Новгородцев указывает, что в таком случае непонятно, как согласовать с категорическим императивом живое нравственное сознание. Внутреннее удовлетворение от исполнения долга не требует нравственных связей с другими разумными существами. Тогда получается, что в кантовской этике недостаточно обоснована необходимость в общении, что позволяет назвать моральное учение Канта склонным к формализму и индивидуализму.

По мнению Новгородцева, Кант хотел вырвать моральную свободу из цепей необходимости, но окончательно оторвал нравственность от реального мира. Мораль стала у Канта чистой идеей. Но мораль не может быть только отвлеченной. Идеальная норма должна сочетаться с опытом: «Нравственная философия должна включить в свою область соответствующие определения в качестве требований и норм для личной и общественной жизни» [Там же, с. 25].

Новгородцев много внимания уделил вопросу воплощения нравственного идеала Канта в действительности. Русский философ пишет, что важнейшие понятия общественной и политической жизни – свобода и равенство личности – рождаются из идеи нравственного достоинства лиц кантовской этики. И эта идея имеет значение не в какую-либо определенную эпоху, а является вечной истиной. Безусловное значение человеческой личности есть следствие сознания ею нравственного закона, что необходимо связано со свободой. Без свободы не может быть истинной нравственности, не может быть настоящей личности. Вместе с тем уважение к личности каждого человека, как осознающей нравственный закон, приводит к идее равенства лиц. С идеей достоинства личности связана идея права личности на достойное существование. Достойное существование – это исключение таких условий жизни, которые убивают человека физически или нравственно [7, с. 321-327].

Нравственный закон, по Новгородцеву, призван стать не только нормой личного поведения, но и основой социальной жизни. При этом все члены общества связываются в единство при помощи общей цели – нравственного идеала. Поэтому различие людей, как уникальных и неповторимых личностей, примиряется

высшей целью, одинаково ценной для всех [6, с. 25]. То есть автономный закон личной воли должен воплощаться в нравственную норму общения.

Новгородцев считает, что работу Канта по раскрытию истинной нравственности нужно продолжить выяснением взаимосвязи этических и юридических норм, а также реализацией в социальной жизни абсолютных ценностей. Нравственный закон прилагается к социальной сфере, и получается неизменная форма (норма поведения) с меняющимся содержанием. Основа для этого – идея самоценной и самодостаточной личности. Новгородцев настаивает, что хотя основа нравственности – разум, но рационализм должен соединяться с историзмом, так как если в истории нет соответствия моральным принципам, то это свидетельствует о бессилии нравственного закона. Русский философ пишет, что этика Канта – это не «фотографический снимок», а «схематический чертеж, алгебраическая формула нравственной воли» [4, с. 21-22].

Новгородцев видит смысл жизни в общественном развитии, считая, что общество – это высшая цель человеческого существования. Одиночество ведет к ограниченности, а общественность – к бесконечности [6, с. 140]. Из морального учения Канта, по мнению Новгородцева, можно сделать вывод, что нравственность может быть лишь субъективной. В то же время Новгородцев признает, что Кант придавал значение праву как важнейшей цели истории [3, с. 331].

Хотя смысл жизни русский философ видит в общественном развитии, а смысл жизни отдельного индивидуума – в служении общественным идеалам, мыслитель вслед за Кантом признает, что в земном существовании невозможно достигнуть совершенства общественного строя. Идея рая на земле неизбежно терпит крах, так как в условиях исторической жизни «нельзя осуществить полную гармонию общественных сил» [6, с. 25]. Поэтому русский философ формулирует идеал нравственности иначе. У него он – «свобода бесконечного развития, а не гармония законченного совершенства» [Там же], что вполне по-кантовски. То есть гармония – это нравственный идеал, а не план государственного устройства [1, с. 67].

Из вышесказанного становится ясно, что Новгородцев вовсе не считает возможным построить совершенное общество на земле, и это подтверждается и в других сочинениях мыслителя: «Мы не вправе ожидать, что когда-либо на земле настанет такое совершенство и такая гармония, которая преодолела бы все жизненные противоречия в совершенной общественной форме. Для человеческих сил эти противоречия непримиримы и непреодолимы. Личность и общество, равенство и свобода, право и нравственность, – поскольку они движутся в рамках исторического развития и человеческих возможностей, – находятся в вечном антагонизме и не допускают окончательного примирения... Не естественным развитием человеческих отношений, а их чудесным перерывом, катастрофой и спасением мира мыслится в русских религиозно-философских инспирациях разрешение социальных противоречий» [5, с. 373].

Таким образом, можно сделать вывод, что Новгородцев в целом оценивает моральное учение Канта положительно. В своих рассуждениях он использует некоторые положения кантовской этики. Русский философ считает важным достижением Канта, что этика у немецкого мыслителя не зависит ни от каких внешних условий, в том числе и от результата нравственной деятельности. Однако отсюда проистекает и формализм морального учения Канта, когда оно существует лишь в чистом виде, не соприкасаясь с реальной жизнью. Упущение Канта в том, что этика должна, по Новгородцеву, быть не только личным, но и общественным явлением. Смысл жизни именно в этом и состоит – в нравственном развитии общества. То есть положения моральной философии должны использоваться в философии права, в социальной философии, воплощаясь в жизни, а не отрываться от нее.

Нужно уточнить, что хотя нравственному развитию общества Новгородцев придает большое значение, он в то же время считает, что окончательное решение общественных нравственных проблем возможно лишь в конце истории. То есть, по сути, русский философ принимает идею Канта о том, что в земной жизни нравственный идеал в полной мере неосуществим.

Новгородцев указывает на важнейший антагонизм между разумом и склонностями человеческой природы, который был гениально философски обоснован Кантом, но в целом этот дуализм нравственного сознания и природной склонности внутри человека – это коренной факт бытия, по-своему отмеченный многими религиями мира. Несмотря на трагизм данного дуализма, разум человека стремится к гармонии, строит справедливую мысленную картину миропорядка. И поэтому нравственный закон нуждается не только в самом себе, но также и в вере, и в утешении надеждой. Данные положения этики Канта у русского философа не вызывают возражений.

В заключение отметим, что Новгородцев уверен в том, что настоящих правоверных кантианцев не было и быть не может по самой сути кантовского учения (включая мыслителей, называемых кантианцами и неокантианцами). Система Канта, по мнению русского философа, «имеет то свойство, что каждый, кто проникается ее духом, вместе с тем проникается и стремлением идти далее. Она дает не только глубокое поучение, но вместе с тем и могучий импульс к дальнейшему размышлению» [2, с. 553]. И поэтому Новгородцев не только воспринял и положительно оценил, но и дополнил учение Канта о морали своими рассуждениями.

Список литературы

1. Булгакова И. Я. Нравственный идеал И. Канта и русская религиозная философия конца XIX – начала XX в.: дисс. ... к. филос. н. М., 2001. 195 с.
2. Новгородцев П. И. Кант как моралист // Кант: pro et contra. СПб.: РХГА, 2005. С. 542-554.
3. Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания // Новгородцев П. И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 327-339.
4. Новгородцев П. И. Нравственная проблема в философии Канта. М.: Печать С. П. Яковлева, 1903. 29 с.
5. Новгородцев П. И. О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П. И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 366-387.

6. **Новгородцев П. И.** Об общественном идеале. Берлин: Слово, 1921. 386 с.
 7. **Новгородцев П. И.** Право на достойное человеческое существование // Новгородцев П. И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 321-327.
 8. **Новгородцев П. И.** Учение Канта о праве и государстве // Кант: pro et contra. СПб.: ПХГА, 2005. С. 505-541.

P. I. NOVGORODTSEV'S ATTITUDE TO I. KANT'S ETHICS

Samoilov Dmitrii Vyacheslavovich, Ph. D. in Philosophy
*Melitopol Institute of Ecology and Social Technologies of Open International University
 of Human Development "Ukraine"*
dmvsam@rambler.ru

The article reveals specifics of perception of I. Kant's moral doctrine in P. I. Novgorodtsev's works. It is found out what the Russian philosopher is for and against in Kant's ethics. At the same time ethical views of Novgorodtsev himself are clarified. It is revealed that the Russian philosopher notes positive aspects of Kant's ethics. But he also points to the need to overcome its formalism. Novgorodtsev insists on compulsory realization of the moral ideal in social life. But he does not consider it possible to achieve fullness of morality in the earthly life that makes him close to Kant.

Key words and phrases: P. I. Novgorodtsev; I. Kant's ethics; morality; moral law; duty; mind; personality; freedom; society.

УДК 141.32

Философские науки

Статья посвящена проблеме определения понятия «экзистенциальный кризис» через сопротивление тавтологии тождества, доведенного до предела противостояния и сочетания противоположностей. Анализируется движение от метафор текстов С. Кржижановского к тавтологии тождества в философии Ж.-П. Сартра и, далее, к разрушению тождества и «схватыванию» определения в философии Ж. Лакана. Для уточнения определения «экзистенциальный кризис» признаются продуктивными тождества, дающие противостояние понятий «бытие/Ничто», «реальное/воображаемое», «целое/трещина».

Ключевые слова и фразы: экзистенциализм; философская категория; тождество; противоположность; экзистенциальный кризис; бытие; свобода; реальное; воображаемое; катастрофа; цельность.

Серебрякова Юлия Владимовна, к. культурологии, доцент

Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова
Julia_srebro@mail.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС ЧЕЛОВЕКА: ОТ МЕТАФОРЫ К ПОНЯТИЮ (ОПЫТ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ С. КРЖИЖАНОВСКОГО, Ж.-П. САРТРА И Ж. ЛАКАНА)

Мир расколот пополам, и трещина проходит через сердце поэта...

Г. Гейне

Вступление. В поисках метода: от тавтологии к метафоре и обратно

Философское знание о человеке выражается через категории, оформляющиеся в сопротивлении тавтологии тождества. Для философов мыслить – значит приводить слова к пределам их содержания. Точкой отсчета для философствования является пустота (тавтология, позволяющая одному и тому же быть и тем самым, и другим, новым), иначе размышление вернется либо в некую традицию (миф, религия, идеология, наука), либо столкнется с невыразимым и неструктурируемым через смысл Абсурдом.

Философские категории «вырастают» из пустоты тавтологии. Эта пустота – основа (константа) и фон философствования, невидимая «красная нить» размышлений о человеке. Тавтологии «задают» то, что может быть помыслено, но также и то, что помыслить нельзя. Находясь «внутри» тавтологии, философы стремятся выйти туда, где начинается территория немислимого, туда, где пределы для мысли еще открыты. Этот «выход» из тавтологии – либо в изменении тождества (было: Бог есть Бог, человек есть человек, стало: Бог есть человек, человек есть Бог), либо движение через метафоры, либо создание определений. Итоги и первого, и второго, и третьего – в преодолении тавтологии, исчерпании ее. Как только одна тавтология исчерпывается, появляется новая, другая – появляются новые основания для движения мысли.

Наиболее радикальна работа философа лицом к лицу с Абсурдом. В нем нет смыслов, а значит, и нет выбора. В нем отсутствует порядок и, следовательно, выйти из него нельзя. Это положение вещей (*Weltlauf* (нем.) – «бег мира»), с одной стороны, не дает остановиться, с другой – понуждает мыслить выход из безысходности, безвыходного положения. Именно в такой ситуации оказывается философ, размышляющий об экзистенциальном кризисе: в ситуации «на границе», «на обочине» общеизвестных смыслов. Натурфилософы античности первыми осмыслили выход из безысходности как поиски первоосновы мира (первостихии, с которой все началось) для того, чтобы этим миром научиться управлять или хотя бы жить с ним в согласии.